

Янчевская Анжелика

**ПОПАДАНКА.
НЕДОПУСТИМЫЙ
ВЫБОР ДРАКОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Я66

Я66 **Янчевская А.**
Попаданка. Недопустимый выбор дракона / Янчевская Анжелика – М.: Литнет,
2025. – 192 с.

ISBN 978-5-521-94721-8

Я умерла в своём мире одинокой пенсионеркой. И, казалось бы, на этом всё. Но судьба решила подарить мне новую жизнь — в теле юной сироты. Такой, что из всех богатств у неё только имя, пустые карманы и спасённый ею ребёнок, за которого её вышвырнули на улицу. Что ж, дарёному коню в зубы не смотрят, и сама не пропаду, и ребенка на ноги поставлю. Только бы драконы всякие под ногами не мешались.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94721-8

© Литнет, 2025
© А. Янчевская, 2025

– Что ты натворила, безмозглая дрянь?!

Голос лекаря Торгеса, жирный и мерзкий, как он сам, ворвался в утреннюю тишину лечебницы и взорвал ее, разлетевшись на тысячи острых осколков. Он заскрежетал по нервам, заставив вздрогнуть даже тех несчастных, что забылись под действием снотворных трав. Воздух, до этого пахнувший болезнью и сыростью, наэлектризовался, зазвенел от напряжения. Так бывает только перед самой яростной грозой.

Я не спешила поднимать голову. Пальцы, будто живущие своей жизнью, продолжали осторожно поправлять грубое, колючее одеяло на крохотном тельце. Под ними я чувствовала чудо – тихий, ровный стук маленького сердца. Слабый, но уже не срывающийся в паническую трель. Мальчик дышал. Глубоко, спокойно, больше не хрипя и не захлебываясь каждым вдохом.

Еще вчера он горел. Настоящим, испепеляющим огнем лихорадки, что сжирала его изнутри. Его кожа была сухой и горячеей, как раскаленный в горне металл, а из груди вырывались сильные, булькающие звуки. Смерть уже стояла у его изголовья, заглядывая в полуоткрытые глаза своими пустыми глазницами.

Но я ее прогнала.

Настойка из серебристого гриба, редкого и баснословно дорогого, сделала свое дело. Пять серебряных монет, которые этот жирный боров Торгес хранил для какого-нибудь богатого купца, превратились в спасенную детскую жизнь. По-моему, чертовски выгодный обмен.

– ГДЕ?! МОЯ?! НАСТОЙКА?! – Торгеса буквально трясло. Его пухлые щеки, обычно бледные и сальные, пошли уродливыми багровыми пятнами. Редкие, вечно грязные волосы на голове встали дыбом, а маленькие, глубоко посаженные глазки-бусинки налились кровью, превратив его в разъяренного кабана.

Вот теперь можно было и ответить. Медленно, давая ему насладиться моим показным спокойствием, я подняла голову и встре-

тилась с ним взглядом. Без страха. Без тени раскаяния. В глубине души, там, где моя новая личность еще не до конца срослась с этим телом, я усмехнулась. Неужели этот ходячий студень всерьез думает, что может меня напугать? Меня? Я ему не бедная сиротка, я жизнь пожила.

– Я дала ее ребенку.

Голос прозвучал ровно и холодно. Ни единой дрогнувшей нотки. Мой собственный голос, а не писк забитой сироты, которая тут была еще несколько дней назад. Торгес замер, будто ему с размаху вlepили пощечину. Его и без того приоткрытый рот отвис еще ниже, обнажая частокол желтых, кривых зубов. Он привык, что его помощница, эта несчастная забитая девочка, в чье тело я попала, при виде него вжимала голову в плечи и едва осмеливалась дышать. А тут – сталь в голосе и прямой взгляд. Непорядок.

– ДА-А-АЛА-А-А?! – его рев был почти осязаем. Он ударился о каменные стены, прокатился под низким потолком и заставил больных в самых дальних углах поглубже зарыться в свои вонючие одеяла. – Этому... этому подкидышу?!

Толстый, похожий на сардельку палец ткнул в сторону кровати, где лежал спасенный мной мальчик. Движение было таким резким и полным ненависти, что я инстинктивно шагнула вперед, всем телом закрывая ребенка от его взгляда. Мое. Не отдам.

– Ты хоть представляешь, СКОЛЬКО стоит эта настойка?! – Торгес, войдя в раж, начал размахивать руками, словно дешевый актер в провинциальном театре. В одной руке он сжимал глиняную колбу, и ее содержимое плескалось, вылетая наружу. По помещению тут же разнесся тошнотворный, резкий запах какой-то его фирменной мерзкой микстуры, смешиваясь с привычной симфонией ароматов – невымытых тел, гноя и застарелых ран.

– Представляю, – спокойно ответила я, картинно вытирая руки о грубый фартук. – И представляю, что без нее мальчик умер бы еще до рассвета. А это, знаешь ли, плохо сказывается на репутации лечебницы. Трупы имеют свойство пахнуть.

Лекарь схватился за свои три волосины и сжал их в кулаке, словно пытаясь вырвать с корнем остатки разума. Его лицо из багрового стало приобретать нездоровый, пугающий фиолетовый оттенок. На жирном лбу выступили крупные капли пота.

– КТО?! МНЕ?! ЗА?! ЭТО?! ЗАПЛАТИТ?! А?! – он подскочил ко мне так близко, что я почувствовала ураганный запах из его рта – чудовищную смесь перегара от дешевого вина, чеснока и гнили. – Этот сопляк?!

Торгес резко развернулся к кровати. Мальчик уже не спал. Проснулся от дикого ора, но, вопреки моим ожиданиям, не плакал. Он просто сидел, прислонившись к стене, и смотрел на лекаря своими огромными, бездонными темными глазами. В них не было детского страха. Только усталая, всепонимающая обреченность взрослого, который уже видел в этой жизни всё.

– Да его подбросили, как паршивого щенка! – не унимался лекарь. – В рваные тряпки завернули и оставили на пороге подыхать! Сирота! Никчемный! Вырастет – станет вором или убийцей с большой дороги!

Его жестикуляция становилась все более размашистой. Рука сбила с полки несколько склянок. Послышался звон бьющегося стекла. Разноцветные жидкости растеклись по грязному каменному полу уродливыми лужами, шипя и смешиваясь.

– А ты, идиотка, потратила на него НАСТОЙКУ ЗА ПЯТЬ СЕРЕБРЯНЫХ! ПЯТЬ! Да за эти деньги можно купить отличную дойную корову! Или двух жирных овец! Или мешок лучшей пшеницы на всю зиму!

Я скрестила руки на груди. Поза получилась вызывающей, и это не укрылось от Торгеса. Его глазки-щелочки сузились еще сильнее.

– Можно было лечить травами! Обычными травами! – он ткнул пальцем в потолок, где висели пучки засушенных растений. – Мать-и-мачехой! Зверобоем! Подорожник, в конце концов, приложить! Они стоят жалкие медяки!

Господи, ну что за идиот, на залысину себе подорожник приложи, поможет? – пронеслось в моей голове, но в слух сказала другое.

– Травы не помогали, Я три дня поила его твоими отварами. Три дня меняла компрессы. Лихорадка только усиливалась. Он умирал. Медленно и мучительно. На твоих глазах. – отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу.

– МОЛЧИ! – Торгес в ярости взмахнул колбой, и остатки зеленоватой жижи полетели прямо в меня. Я легко уклонилась, даже сама не ожидала, никак не привыкну к молодому телу. Мерзкая микстура со шлепком врезалась в стену за моей спиной, оставив на сером камне мокрое, дурно пахнущее пятно. – С каких это пор ты стала такой... такой дерзкой?!

Он остановился в шаге от меня, тяжело дыша, как загнанный бык. Его жирные щеки ходили ходуном, а из-под распахнутой рубахи выпирало поросшее темными волосами брюхо.

– Раньше из тебя слова было не вытянуть! Мычала, как корова, глазки в пол! А теперь... – Он недоуменно покачал головой. – Что с тобой стряслось? Порчу навели, не иначе!

Я лишь пожала плечами. Да, в памяти этого тела еще хранились фантомные ощущения той робкой, запуганной девчонки. Той, что боялась собственной тени и вздрагивала от каждого резкого слова. Но той девочки больше не было. На ее место пришла я. И я мычать не собиралась.

– Может, повзрослела, – сухо бросила я.

– Повзрослела?! – Торгес зашелся в истеричном, лающем смехе. – Ты?! Да ты с ума сошла! Тебе семнадцать лет от роду! Ты – пустое место! Сирота! Дочь портовой шлюхи и безымянного пьяницы!

Его слова были как удары хлыста. Рассчитанные на то, чтобы причинить боль, унижить, втоптать в грязь. Но они бились о стену моего нового мироощущения и падали к ногам, не причиняя вреда. Я видела, как он наслаждается каждым оскорблением, как смакует чужую боль, получая от этого извращенное удовольствие. Типичный абьюзер. В прошлой жизни таких было пруд пруди.

– Я приютил тебя, когда тебя вышвырнули из приюта, потому что ты стала слишком взрослой! – продолжал он свой спектакль. – Дал кров! Еду! Научил отличать ромашку от полыни!

Он широким жестом указал на полки, заставленные пузырьками и пыльными банками. Большинство из них были либо пусты, либо содержали нечто сомнительное, давно потерявшее свои свойства.

– Я дал тебе место у теплой печи! Сенник! Миску каши раз в день! А ты так мне отплатила? Воровством!

– Это не воровство. – Я сделала шаг вперед, и Торгес, наткнувшись на мой стальной взгляд, инстинктивно попятился. В его глазах впервые за все время мелькнул не гнев, а страх. – Это называется «исполнение лекарского долга». Спасение жизни. Детской жизни.

– ЖИЗНИ?! – его голос сорвался на пороссячий визг. – Да кому нужна его жизнь?!

Он резко развернулся к притихшим больным, которые, приподнявшись на своих соломенных тюфяках, с нескрываемым интересом наблюдали за представлением.

– Вы слышите эту полоумную?! – вопил Торгес, обращаясь к своей жалкой пастве. – Она спасает жизнь! А кто из вас, попрошайек, заплатит мне за лечение этого выродка? А? Ты? Или может ты?

Больные тут же потупили взоры и снова улеглись, натягивая одеяла до самого носа. Конечно, никто не мог заплатить. Они сами были здесь из милости, отдавая последние медяки за сомнительные отвары Торгеса.

– Да этот оборванец через год сдохнет от голода на улице! – лекарь снова развернулся ко мне, брызжа слюной. – А если не сдохнет, то станет разбойником и будет грабить честных людей! Таких, как я! Которые всю свою жизнь работают не покладая рук!

Честно работают... Я невольно окинула взглядом это убогое заведение. Десяток скрипучих коек. Смрад, от которого слезились глаза. Грязь, въевшаяся в стены и пол. Торгеса можно было назвать кем угодно – скрягой, шарлатаном, садистом, – но только не чест-

ным лекарем. Он «лечил» всех одним и тем же отваром, меняя лишь цвет жидкости и цену.

– Ты хоть знаешь, в какую сумму обходится твое содержание? – Он снова подошел вплотную, дыша мне в лицо. – Еда, одежда, крыша над головой! А отдачи – ноль! Одни убытки!

– Я работаю с рассвета до заката, – мой голос оставался ледяным. – Ухаживаю за больными, готовлю отвары, стираю грязные бинты, убираю за всеми вами...

– Работаешь?! – снова расхохотался он. – Да ты же криворукая и безмозглая! Ничего не умеешь! Только путаешься под ногами и жрешь мой хлеб!

Он схватил с полки пустую глиняную банку и с силой швырнул ее об пол. Осколки со звоном разлетелись во все стороны, едва не задев мои ноги.

– А теперь ты еще и воруеть! Мое добро! Мои кровные денежки на ветер пускаешь! Всё! Мое терпение лопнуло!

– ВОН! – Торрес ткнул в меня дрожащим пальцем. Его лицо исказила гримаса праведного гнева, так хорошо отрепетированная за годы. – Вон из моей лечебницы! Немедленно! Чтобы через час и духу твоего здесь не было!

Он промаршировал к кровати и злобно уставился на мальчика.

– И этого выродка забирай с собой! Не намерен я кормить чужие рты!

Мальчик даже не вздрогнул. Он просто смотрел на разъяренного мужчину недетскими взглядом. В них плескалась такая тоска и смирение, что у меня внутри все похолодело. Словно он уже проходил через это. Снова и снова. Словно знал, что его опять выгонят.

– Тшшшш, малыш, – голос сам по себе стал мягким и ласковым. Я протянула к нему руки. – Пойдем отсюда. Здесь слишком шумно.

Ребенок безропотно подался вперед, когда я осторожно подняла его. Легкий, почти невесомый. Тонкие ручки тут же обвились вокруг моей шеи. Он молчал. Упрямо, отчаянно молчал уже четвертый день. Ни слова. Ни всхлипа. Только тишина.

– И куда же ты теперь пойдешь, а? – ехидно бросил мне в спину Торгес. – У тебя же ни гроша за душой! Ни дома! Ни родни! Подохнешь в сточной канаве!

Он был прав. У меня и правда ничего не было. Только это грубое платье, тонкий, продуваемый всеми ветрами плащ и маленький, доверчиво прижавшийся ко мне мальчик.

– И чтоб земля под тобой разверзлась! – орал он мне вслед, когда я уже толкала тяжелую дверь. – Чтоб волки тебя в лесу сожрали! Чтоб проклятые драконы спалили тебя дотла!

Драконы... Интересно. В этом мире они просто ругательство или реальная угроза? Надо будет выяснить.

Тяжелая дубовая дверь с глухим, финальным стуком захлопнулась за моей спиной, отрезая меня от смрада лечебницы. Холодный утренний ветер тут же набросился на нас, ударил в лицо, забрался под тонкую ткань плаща, заставив поежиться. Я крепче прижала к себе мальчика, чувствуя, как он мелко дрожит.

Улица встретила нас серостью и сыростью. Город только просыпался. Где-то вдалеке лениво скрипнула телега, пролаяла собака. Солнце еще пряталось за плотными облаками, и длинные тени от покосившихся, будто пьяных, домов лежали на мокрых булыжниках мостовой. В воздухе пахло дождем, дымом из печных труб и еще чем-то... свободой.

Завернув за угол, я прислонилась спиной к холодной, влажной каменной стене. Ноги мелко дрожали – не от страха, нет. От банального голода. Желудок свело болезненным спазмом. Жидкая каша Торгеса была скорее водой с привкусом крупы.

– Ничего, малыш, – прошептала я, скорее для себя, чем для него, зарываясь носом в его спутанные темные волосы. – Я со всем разберусь. Мы с тобой не пропадем. Точно тебе говорю.

Ребенок молча уткнулся мне в плечо. Маленькие пальчики мертвой хваткой вцепились в ткань моего плаща, словно он боялся, что я сейчас поставлю его на землю и уйду. Как все остальные.

– В прошлой жизни мне однажды полгода зарплату не платили, – продолжила я свой бессмысленный монолог, пытаясь унять дрожь. – И ничего, выжила. Даже нашла способ заставить их все вернуть.

Я оглядела узкую улочку. Кривые домишки, прижавшиеся друг к другу. Вывески: «Пекарь Ганс», «Сапожник Бруно», «Ткани и ленты». Где-то здесь должна быть работа. Где-то должны быть люди, которым нужна помощь. А значит, нужны и мои руки.

– Руки-ноги на месте, голова варит, – бормотала я, распрямляя плечи. – Значит, справимся. В этом мире уж точно должно быть проще, чем пробиться через ипотеку и три кредита.

Я умела лечить. Память прежней хозяйки этого тела сохранила обширные знания о травах и снадобьях, а мой собственный, современный склад ума мог систематизировать и улучшить эти знания. А еще я умела выживать. Нужно было лишь найти точку приложения сил.

Пекарня? Вряд ли им нужна помощница с ребенком на руках. Сапожник? Тоже мимо. А вот лавка торговца... Может, им нужна уборщица? Или швея? Я могла и это. Могла готовить, убирать, присматривать за детьми. Да что угодно!

Я посмотрела на маленькое, доверчивое создание у себя на руках. Он перестал дрожать и теперь просто смотрел на меня. Внимательно, серьезно. Словно оценивал. Словно решал, можно ли мне верить.

– Не бойся, – сказала я твердо, глядя ему прямо в глаза. – Я тебя не брошу. Теперь мы – команда.

Я оттолкнулась от стены и, крепче обняв свою драгоценную ношу, пошла вперед по улице, навстречу неизвестности. Голод скручивал живот, холод пробирал до костей, но впервые за эти несколько дней – я чувствовала, что нахожусь на своем месте. Казалось, что все только начинается, и я со всем справлюсь.

Казалось.

Небо, до этого просто хмурое и серое, решило, что с меня хва-